

Первая поездка Ильи Муромца

Сидел Илейка без рук, без ног,
На печи сидел Илейка тридцетъ лет.
Ушли у него отецъ-мать на полѣ,
Сидит Илейка один на печьки-муравленки,
Под окно пришли калики перехожие:
«Подай, Илейка, милóстыню радí Христа».
Говорит Илейка таково слово:
«Ой есь, калики перехожие!
Рад бы я подал,
И не действуют ни руки, ни ноги:
Сижу я тридцетъ лет без рук, без ног».
Говорит калика перехожая:
«Протяни, грит, праву ноженьку».
Протянул он праву ноженьку —
Подействовала его да права ноженька.
«Протяни, грит, леву ноженьку».
Протянул он леву ноженьку —
И подействовала его лева ноженька.
Слез он с печьки-муравленки,
Говорит он таково слово:
«Ой есь, калики перехожие!
Подействовали у меня резвы́ ноги,
Не действуют у меня белы́ руки́,
Не могу я вам подать милóстыню».
Говорит калика перехожая:
«Протяни, говорит, праву рученьку».
Протянул Илейка праву рученьку —
Подействовала его права рученька.
«Протяни, говорит, леву руку».
Протянул Илейка леву руку —
Подействовала его лева рученька.
Вынес он буханочку и подал им.
Говорят калики перехожие:
«Ой еси, Илеюшко!
Спустишь ты <к> матери во глубок погреб,

Подынь ты, зацерпни кружку квасину».
Спустился он во глубок погреб,
Поднял он квасу круженьку.
Говорит калика перехожая:
«Ой еси ты, Илейка Муромець!
Выпей ты эту квасу круженьку».
Выпил Илейка квасу круженьку.
«Чо, Илейка, по се чувствуёшь?» —
«Чувствую я по се силюньки». —
«Спустись ешшо во глубок погреб,
Подынь ешшо кружку зелена вина».
Поднял он кружку зелена вина.
Говорит калика перехожая:
«Выпей, Илейка, эту круженьку».
Выпил Илейка эту круженьку.
Говорит калика перехожая:
«Чо, Илейка, по се чувствуёшь?»
Говорит-то Илейка Муромець:
«Столько я чувствую в себе силюньки,
Было бы кольцё во сырой земли,
Поворотил я бы мать сыру землю».
Говорят калики перехожие:
«Дали мы ему силы множество,
Убавить надо силы половинушка».
Убавили силы половинушку,
Потерялись калики перехожие.
Выходил Илейка вон на улицу,
Пошел Илейка во чисто полё,
К отцю к матери идёт на полё.
Увидела его матери родимая,
Говорит она мужу Мурому:
«Ой есь, мой муж Муром!
Вон идет кто ли, как наш Илеюшко». —
«Глупа ты, баба, нерозумна,
Сидит Илейка тридцет лет без рук, без ног».
Поближе подходит к им Илеюшко.
Говорит опять жена у Муромы:
«Совсем как наш идет будто Илеюшко».
Не верит Муром ейным словам.

Подошел к ним Илейко близко-наблизко,
Узнали его и возрадовались.
Поздоровалсе он с отцём, с матерью,
Говорит Илейко таково слово:
«Ой есь ты, мой отець-мати!
Садитесь вы на колоденку».
Спрашивают его отець с матерью.
«Пришли под окно два калики перехожие:
„Подай, Илейко, милóстыню радí Христа“.
Говорит Илейко таково слово:
„Ой есь, калики перехожие!
Рад бы я подал,
И не действуют ни руки, ни ноги,
Сижу я тридцать лет без рук, без ног“.
Говорит калика перехожая:
„Протяни, грит, праву ноженьку“.
Протянул я праву ноженьку —
Подействовала моя да права ноженька.
„Протяни, грит, леву ноженьку“.
Протянул я леву ноженьку —
И подействовала моя лева ноженька.
Слез я с пецьки муравленой,
Говорю я таково слово:
„Ой есь, калики перехожие!
Подействовали у меня резвы ноги,
Не действуют у меня белы руки,
Не могу я вам подать милóстыню“.
Говорит калика перехожая:
„Протяни, грит, праву рученьку“.
Протянул я праву рученьку —
Подействовала моя права рученька.
„Протяни, говорит, леву рученьку“.
Протянул я леву рученьку —
Подействовала у меня лева рученька.
Вынес я буханочку и подал им.
Говорят калики перехожие:
„Ой еси. Илеюшко!
Спустись ты к матери во глубок погреб,
Подынь ты, зачерпни кружку квасину“.

Спустился я во глубок погреб,
Поднял я квасу круженьку.
Говорит калика перехожая:
„Ой еси ты, Илейка Муромец!
Выпей ты эту квасу круженьку“.
Выпил Илейка квасу круженьку.
„Что, Илейка, по се чувствуешь?“ —
„Чувствую я по се силюньки“. —
„Спустись еще во глубок погреб,
Подынь еще кружку зелена вина“.
Поднял я кружку зелена вина.
Говорит калика перехожая:
„Выпей, Илейка, эту круженьку“.
Выпил я эту круженьку.
Говорит калика перехожая:
„Что, Илейка, по се чувствуешь?“ —
„Столько я чувствую в себе силюньки:
Было б кольцо во сырой земли,
Поворотил я бы мать сыру землю“.
Говорят калики перехожие:
„Дали мы ему силы множество,
Убавить надо силы половинушку“.
Убавили силы половинушку,
Потерялись калики перехожие.
Тогда пошел я к вам во чисто поле».
Говорит Илейко таково слово:
«Ой есь, ты мой отец-мати!
Садитесь вы на колоденку,
Подчишшу за вас я полюшко».
Берет он дубину за вершинушку,
За вершину дубинушку подергиват,
За полё дубинушку помётыват.
Выцистил он полюшка порядоцьно.
Пошел он домой да с отцём, с матерью.
Проходит у их дома тёмна ноценька,
Ставали они поутру рано.
Говорит-то старбй да Илья Муромець:
«Ой есь, мой отець-матушка!
Дайте мне благословленьицё

Сходить-съездить в стольнёй Киев-град,
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських богатырей».
Не дават отец-мать благословленьице:
«Помрем мы без тебя да смертью лютой!»
Другой раз старой их выпрашиват:
«Ой есь, мой отец-матушка,
Дайте мне благословленьице
Сходить-съездить в стольнёй Киев-град,
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських богатырей».
Не дават отец-мать благословленьице:
«Помрем мы без тебя да смертью лютой!»
Третьей раз старой нонь выпрашиват:
«Ой есь, мой отец-матушка!
Дайте мне благословленьице
Сходить-съездить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських богатырей.
Даите — поеду и не даите — поеду!»
Говорит-то его отец Муром:
«Ой ты, мой старой да Илья Муромец!
Ехать тебе дорожкой прямоежжено —
Прямоежжая дорожка призапушшена,
Призапушшена дорога, призасорена,
Не ездят той дорогою тридцет лет.
Заселился там Сбловей Рахматович,
Не пропускат он ни конного, ни пешого,
Не пропускат он зверя рысучего,
Не пропускат он птицю полетушчую,
Не пропускат он руського богатыря,
Убиват он своим свистом громкиим.
А кругом дорожкой надо ехать три года».
Срежался старой да И<лья> М<уромец>,
Седлал-уздал он коня доброго,
Подстегивал он двенадцет подпругов,
Тринадцету степ да лошадиную —
Не оставил <бы> молодца да в поли доброй конь
Серым-то волкам да на съеденьице,

Черным воронёнкам нынь на гряньё.
С отцём, с матерью он распрошчается.
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырьской,
Только видят: во поли курева идет,
Курева идет да дым столбом валит.
Приежжал он к ростаням дороженьки,
Поехал он по прямой дороженьки,
Приехал он в болотину дыбуцую —
По болотины мостики привыгнили.
Слезывал Илейка со добра коня,
У коня брал он повод да во леву́ руку,
Правой рукой дубинушки он подергиват,
Болотинку он мост помашчиват.
Перебрался он болотину дыбучую,
Перешел он да во чисто полё.
Садилса он на добра коня,
Поехал он путью-дорожечки.
Там увидел во чистом поли,
Увидел он Соловья за семь верст:
Сидит Соловей Рахматович
На семи дубах, на восьми поддубочках.
Увидел Сóловей руська богáтыря
Во той же дорожки прироссоренной,
Натягал Соловей духи змеинные,
Заревел он громким голосом —
У старого конь да на колени пал.
Бьет коня по туцьным ребрам:
«Уж ты конь, да травяной мешок,
Не слышал ты граю воронового!»
Брал он себе в руки ту́гой лук,
Накладывал стрелу и приговаривал:
«Уж ты, моя каленá стрела,
Не падай не на́ землю, не на воду,
Пади Соловью во пра́вой глаз!»
Закладывал он стрелоцьку каленую,
Не серы волки в поле завоели —
У старого у лука макляки заскрипили.
Полетела стрелоцька каленая,

Попала Соловью во правой глаз,
Свалился Соловей Рахматович
С семи дубов, с восьми поддубочков.
Не удалось Соловью на пол пасть —
Подъехал старой да И<лья> М<уромець>,
Приковал его к седельшку зеркальцятю,
Едет он по чисту полю.
Были у Соловья две дощери,
Выходили они на крыльцё паратное,
Глядели они да во чисто полё,
Видят они: во чистом поле
Отец едет, богатыря везет.
Забегали они к матушки родимой:
«Ой есь, наша матушка родимая!
Татка едет, богатыря везет».
Вышла у них матушка родимая
На то же крыльцё да паратное.
Брала она трубоньку подзорную,
Глядела она во чисто поле,
Говорит она таково слово:
«Не отец везет, а богатырь отца везёт;
Поднимайте надрешотницы тяжелые,
Зовите гостя попить-поись.
С той же да с пути-дороженьки
Заежжать станет в нашу оградушку —
Спустите надрешотницы тяжелые,
Богатырю спустите во буйну голову,
Придайте его к смерти лютой».
Подъежжат старой да И<лья> М<уромець>,
И проехал он мимо в стольной Киев-град.
Приеждат старой в стольной Киев-град,
Слезывал он да со добра коня,
Заходил он к солнышку Владимиру.
Идет у солнышка почесен пир;
Садил старого да за передней стол,
Тут они стали его спрашивать:
«Поколь же ты, уд<алой> доб<рой> мол<одец>,
Поколь же ты ехал, поколь путь держал?
Ехал ты дорожкой кругоезжей?»

Говорит-то старой да таково слово:
«Ой еси, удалы доб<ры> молодцы!
Ехал я дорожкой прямоезжеей».
Нихто не верят уд<алы> д<обры> м<олодцы>:
«У нас засорена дорожка нонь тридцеть лет,
Тут сидит Соловея Рахматович
На той же дорожки прямоезжеей,
Не пропускает он ни конного, ни пешого,
Не пропускает он зверя рысучего,
Не пропускает он птицю полетушчую,
Не пропускает он <и> руського богатыря,
Убиват он своим свистом громкиим».
Говорит-то старой И<лья> М<уромець>:
«Ой есь, уд<алы> д<обры> м<олодцы>!
Я ехал дорожкой прямоезжеей,
Сидит у мя Соловей Рахматович,
Сидит он у мя да на добром кони,
Прикован-то <к> седельшку зеркальцяту».
Говорит-то солнышко Владимир-князь,
Говорят все руськи богатыри:
«Если есь у тя Соловей Рахматович,
Заведи его да на почесен пир».
Говорит-то старой да И<лья> М<уромець>:
«Ой еси, Микитушка Добрынюшка!
Заведи поди Соловья Рахматова».
Выходил-то Микитушка Добрынюшка:
«Ой еси, Соловей Рахматович!
Пойдем к солнышку на почесен пир».
Говорит Соловей таково слово:
«Не твоё пью-кушаю, не тя и слушаю,
Есь у мя хозяин — И<лья> М<уромець>».
Заходил-то Мик<итушка> Добрынюшка:
«Ой есь, старой да И<лья> М<уромець>!
Не идёт со мной С<оловей> Р<ахматович>».
Выходил старой да вон на улицу,
Сымал он С<оловья> Р<ахматовича>,
Заводил он его на поцесен пир.
Садил его да за дубовой стол,
Подавали ему цяру зелена вина,

Не большу, не малу — полтора ведра.
Тут они сидят, пьют-едят.
Говорит-то солнышко Владимир-князь,
Говорят вси руськие богатыри,
Ти же бояра толстобрюхие:
«Ой есь, старой да И<лья> М<уромец>!
Разреши свистеть Соловью Рахматову
Своим ему да громким голосом».
Ставал старой да на резвы ноги,
Брал князя он под праву руку,
Матушку Апраксию под левую.
Говорит-то старой да И<лья> М<уромец>
Тому же Соловью Рахматову:
«Ой есь, Соловей Рахматовиць!
Натяни ты духи змеиные,
Засвисти ты о полусвиста».
Натягал Соловей духи змеиные,
Засвистел Соловей во весь свист —
Всех тут нараз да приошунуло,
Заползали бояра толстобрюхие,
Поддержал старой да Илья Муромец
Князя и мать Апраксию.
Осердился старой да Илья Муромец,
Схватил Соловья за черны кудри,
Поднял он его выше буйной главы,
Опустил он его о кирпиччат пол,
Придал его он смерти лютой.

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 8 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на
— от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.